

# Теория реализации Р. Люксембург.

## 1. На старых позициях русского марксизма.

(Ответ моим критикам).

«Что существуют многочисленные исторические и практические условия (не говоря уже об имманентных противоречиях капитализма), которые ведут и приведут гораздо скорее к гибели капитализма, чем к превращению современного капитализма в идеальный капитализм,—этого я, конечно, и не думаю отрицать. Но по чисто-теоретическому вопросу «относительно идеального капиталистического общества» я сохраняю свое прежнее мнение, что нет никаких теоретических оснований отрицать возможность расширенного воспроизводства в таком обществе».

В. Ильин. «Еще к вопросу о теории реализации», «Научн. Обзор.», № 8, 1899 г.

### I.

Спор по теории рынка, разгоревшийся в наших марксистских журналах в связи с докладом т. Тальгеймера на последнем конгрессе Коммунистического Интернационала, спор не новый. Он велся у нас в конце истекшего столетия и вызвал целую полемическую литературу. На одной стороне стояли столпы народничества во главе с В. В. и Николаем—оном, на другой стороне—марксизм во главе с Владимиром Ильиным. Этот теоретический турнир разыгрывался, следовательно, между представителями двух глубоко враждебных друг другу мировоззрений. Сейчас тот же, по существу, спор происходит между людьми, причисляющими себя к одному лагерю—к ортодоксальному марксизму. Это обстоятельство наведет, вероятно, читателя на размышления: «Неужели же,—скажет он.—полемика между противниками и сторонниками теории реализации Розы Люксембург лежит в той же плоскости, что и спор между эпигонами народничества и адептами русского марксизма 90-х годов? Ведь давно известно, что не только

марксисты, но и народники последней формации считали этот знаменитый спор окончательно решенным». И тем не менее, основная теоретическая концепция, данная в «Накоплении капитала», по сути дела, ничем не отличается от основного тезиса нашего народничества. Расхождения касаются выводов и, само собой разумеется, линии практического поведения приверженцев того и другого теоретического течения.

Сущность экономической концепции нашего народничества дана их теорией рынка. В чем же эта теория заключается? Чтобы не рыться в статьях и книгах Николая—она и В. В., которых у меня, кстати сказать, нет под руками, я приведу сжатое, по безусловно точное изложение этой теории, данное т. Лениным в «Развитии капитализма в России» <sup>1)</sup>: «Известно, что стоимость продукта в капиталистическом производстве распадается на три следующие части: 1) первая возмещает постоянный капитал, т.-е. ту стоимость, которая существовала и раньше в виде сырых и вспомогательных материалов, машин и орудий производства и т. п. и которая только воспроизводится в известной части готового продукта; 2) вторая часть возмещает переменный капитал, т.-е. покрывает содержание рабочего, и, наконец, 3) третья часть составляет прибавочную стоимость, принадлежащую капиталисту. Принимается обыкновенно (мы излагаем этот вопрос в духе г.г. Н—она и В. В.), что реализация (т.-е. нахождение соответственного эквивалента на рынке) первых двух частей не представляет затруднения, ибо первая часть идет на производство, а вторая на потребление рабочего класса. Но как реализуется 3-я часть—прибавочная стоимость? Не может же она быть потреблена капиталистами! И наши экономисты приходят к выводу, что «выходом из затруднения» по реализации сверхстоимости является «приобретение внешнего рынка» (Н—он, «Очерки», отд. II, § XV вообще и стр. 205 в особенности, В. В., «Излишек снабжения рынка товарами» в «Отеч. Зап.» за 1883 г. и «Очерки теоретической экономии». СПб, 1895 г., стр. 179 и след.). Необходимость внешнего рынка для капиталистической нации объясняется названными писателями тем, что капиталисты не могут иначе реализовать продуктов. Внутренний рынок в России сокращается вследствие разорения крестьянства и вследствие невозможности реализо-

<sup>1)</sup> Изд. 1908, стр. 8—9.

вать сверхстоимость без внешнего рынка, а внешний рынок недоступен для молодой страны, слишком поздно вступающей на путь капиталистического развития,—и вот беспочвенность и мертворожденность русского капитализма объявляются доказанными на основаниях одних априорных (и притом теоретически неверных) соображений». П. Б. Струве, который уже в 90-х годах обнаружил себя как враг марксизма, вполне солидаризировался с только-что изложенной «теорией рынка».

Эта теория,—писал он в «Научном Обзоре» за 1899 г. (кн. I),—верна, поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная ценность (стоимость) не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление третьих лиц... Под этими третьими лицами я имею в виду, главным образом, некапиталистических производителей, т.-е., главным образом, крестьянство» <sup>1)</sup>

Заменив в формулировке В. В. и Н—она слова «внешний рынок» выражением «внешний рынок в смысле группы стоящих вне данной капиталистической системы производителей» (см. цит. ст.), Струве ни в малой мере не погрешил против теории народников, ибо последние считали, конечно, что невозможность реализации продукта в условиях чистого капитализма есть не специфически русское явление, а явление мировое. И если В. В. с Н—оном придерживались той точки зрения, что реализация прибавочной ценности в странах старого капитализма все же возможна, то только потому, что эти страны успели захватить в свои руки множество некапиталистических рынков. Николай—он даже прямо признал, что на невозможность реализовать прибавочный продукт рано или поздно наталкивается всякая страна, вступившая на путь капиталистического развития, молодые капиталистические страны, вроде России, он выделял в особую категорию по той причине, что они застают внекапиталистические рынки уже захваченными старыми конкурентами.

Но если это так,—а это безусловно так,—то чем, спрашивается, теория рынка Р. Л. отличается от теории рынка народников? По-моему, здесь нет никакой разницы, и я до сих пор думал, что всякий мало-мальски знакомый с разби-

<sup>1)</sup> Р. Л. упрекает, между прочим, Струве в том, что он не раскрыл понятия «третьих лиц»; как видно на приведенной цитаты, Р. Л. ошибалась: Струве вкладывал в это понятие достаточно определенный смысл.

раемым предметом должен придерживаться такого же мнения. Но вот выступил тов. Бессонов и публично заявил, что Владимир Ильич, которого мы привыкли считать могильщиком народничества, был не более и не менее как... одним из самых ранних предтеч теории Р. Л. Тов. Бессонов пишет: «Мы совершенно не касаемся здесь позиции, занятой по отношению к этой проблеме (т.е. теории реализации. Ш. Д.) т. В. Ильиным (Лениным), несомненно, центральной фигурой спора с народниками в 90-х годах. На наш взгляд, только недоразумением и недостаточным знакомством с работами т. В. Ильина можно объяснить то, что т. Р. Люксембург, т. Тальгеймер, Мартов и др. отождествляют позицию т. Ильина с позицией Струве, Булгакова, Тугана и других; т. В. Ильин не только является одним из самых ранних (в России после Плеханова) провозвестников концепции тов. Р. Люксембург, но во многих отношениях дает гораздо более строгое и последовательное истолкование теории реализации Маркса, чем то делает сам т. Люксембург. Однако, выяснение позиции В. Ильина должно быть делом специальной статьи»<sup>1)</sup>. В этой цитате есть, конечно, много правды. Что отождествление позиции В. Ильина с позицией Струве, Тугана и др. — чистейший вздор, это, конечно, верно, и на этом вопросе мы будем еще иметь случай остановиться ниже. Верно и то, что В. Ильин дал не только во многих отношениях, но во всех отношениях «гораздо более строгое и последовательное истолкование теории реализации Маркса, чем то делает сама Р. Л.». Это тем более справедливо, что Р. Л. дала совершенно неправильное истолкование Маркса (обо всем этом мы будем еще говорить), но на ряду с этими бесспорными истинами, т. Бессонов высказывает столь чудовищный по своей парадоксальности тезис, что я, прочитавши выписанное выше место его статьи, просто не поверил глазам своим. Мне казалось, что передо мною вскользь брошенное замечание, от которого т. Бессонов сам же откажется и на котором опово всяком случае, настаивать не станет. Тов. Бессонов, однако, не только не отрекся от своего парадокса, но даже выполнил свое обещание и написал на эту тему специальную статью.

<sup>1)</sup> «Спутник Коммуниста», № 21, стр. 161—162, ст. С. Бессонова  
Программа Коминтерна и теория Розы Люксембург.

Статья эта, в печатном виде до меня еще не дошла, но мне пришлось прочитать часть ее в рукописи, и убедиться, что тов. Бессонов не на шутку признает за В. Ильиным «приоритет» в деле создания теории, изложенной в «Накоплении капитала» <sup>1)</sup>.

Я, пожалуй, должен был бы обойти этот вопрос молча, ибо как-то неловко доказывать правильность аксиом или уверять своих зрячих собеседников, что белое есть белое, а черное—черное. Но поскольку софизм т. Бессонова пошел гулять по страницам наших толстых журналов, я счел себя вынужденным «восстановить честь» нашего победоносного марксизма 90-х годов.

Начнем с тезиса, лежащего в основе как теории Р. Л., так и нашего народничества: реализация прибавочной ценности (или сверхстоимости, как выражались у нас в доброе старое время) в условиях чистого капитализма невозможна. Как Е.И. Плеханов относился к этому тезису? Чтобы ответить на этот вопрос, я сделаю несколько выписок из разных работ т. Ленина. Надеюсь, что читатель не будет на меня за это в претензии. «Поскольку мы берем абстрактную теорию реализации (а народники выдвинули именно абстрактную теорию о невозможности реализовать сверхстоимость), постольку неизбежен вывод о возможности реализации» (перепеч. во II томе Собр. соч., стр. 483). Маркс остается строго последовательным, когда показывает: 1) что продукт может (курс В. И.) быть реализован в капиталистическом обществе... что для объяснения этой реализации ошибочно было бы привлекать внешнюю торговлю или «третьих лиц», 2) что теории мелко-буржуазных экономистов (Прудон) относительно невозможности реализовать сверхстоимость <sup>2)</sup> покоятся на полном непонимании самого процесса реализации вообще» (там же стр. 499). Примерно пятью годами раньше (в 1894 г.)

<sup>1)</sup> Но возвращении в Москву я прочитал упомянутую статью тов. Бессонова («Спутник Комм.», № 23). Автор обнаруживает в ней вквинбристические таланты, которым позавидовал бы не только средневековой схоласт, но даже индийский факир. Но тов. Бессонов меня мало удивляет: высказал однажды человек вздорную мысль, а затем стал подводить под нее «теоретический фундамент». — дело обычное. Меня удивляет, однако, что марксистский журнал, в задачу которого входит распространение и популяризация работ В. Ильина, счел возможным напечатать статью т. Бессонова без всяких оговорок. Казалось бы, что теоретический орган крупнейшей коммунистической организации должен был бы с особой осторожностью относиться к «интерпретациям» тов. Ленина.

<sup>2)</sup> Если курсив принадлежит мне, я особых оговорок не делаю.

В. Ильин, тогда еще К. Тулин, писал: «Маркс доказал во II томе, что вполне мыслимо капиталистическое производство без внешних рынков и безо всяких «третьих лиц», привлечение которых г-ном Струве в высшей степени неудачно» (там же, стр. 152). В «Развитии капитализма» т. Ленин, приводя некоторые выдержки из Маркса, на которые любили ссылаться народники в подтверждение своих «учений», заявляет: «Нет ничего бессмысленнее, как выводить из этих мест «Капитала», будто Маркс не допускал возможности реализовать сверхстоимость в капиталистическом обществе...» (II изд., стр. 21). Помимо всех этих выписок и эпиграфа, не оставляющих абсолютно никаких сомнений насчет позиции В. И. в интересующем нас вопросе, я мог бы привести немало других выдержек, характеризующих его позицию не менее ярко и не менее недвусмысленно. Т. Ленин десятки раз возвращается к критике положения о невозможности реализации прибавочной ценности, не стесняясь употреблять по адресу приверженцев этого положения такие выражения, как «вадор», «бессмыслица» и т. д.

Я спрашиваю тов. Бессонова: читали Вы это у Вл. Ильича или нет? А если читали, то чем Вы объясняете такие «странности»? Как Вы объясните тот несомненный факт, что В. И. в корне отвергал основной тезис Р. Л. и русских народников? Как Вы примиряете Ваше утверждение, что В. И. дал гораздо более строгое истолкование теории реализации Маркса, «чем то делает сама т. Люксембург», с позицией В. И.—на, который, соглашаясь с Марксом, столь яростно отвергает защищаемое Вами положение? Не станете же вы утверждать, что это положение есть краеугольный камень обеих книг Р. Л. А если нет, то как же приведенные выше цитаты примирить с Вашей попыткой даровать В. И.—ну «приоритет» по отношению к Р. Л.? Для меня, грешного, все это неразрешимые вопросы...

Но, может быть, есть Ильин и Ильин? Может быть, Ильин—теоретик был решительным противником концепции Р. Л., а Ильин—исследователь конкретной русской действительности на деле руководился именно теорией Р. Л.? Ведь бывали же такие случаи, например, с Туган-Барановским, который, сам того не замечая, пользовался иногда в своих историко-экономических исследованиях методами, явно противоречащими его теоретическому мировоззрению. Не впал ли в аналогичный грех и В. И.? Не дока-

зывает ли он, на деле, что наши некапиталистические слои, крестьяне и кустари, были покупателями знаменитого излишка, и, стало быть, спасателями русского капитализма? Если разбор работ В. И. покажет нам, что это было именно так, то тов. Бессонов может торжествовать. Он будет иметь полное основание «конфронтировать» Ильина с Ильиным, провозгласить: «Ленин contra Ленин», и с полным основанием заявить, что В. И. был «одним из самых ранних провозвестников теории Р. Л.».

Автор «Накопления капитала» стоял на той точке зрения, что внекапиталистические слои образуют рынок для неподдающейся сбыту прибавочной ценности лишь постольку и до тех пор, поскольку они остаются на уровне простого товарного производства. Но тенденция исторического развития неизбежно приводит к тому, что капитализм разлагает внекапиталистические слои, и сам становится на их место. Это, по мнению Р. Л., означает, что капитализм рубит тот сук, на котором он сидит, ибо сфера питательной почвы буржуазного хозяйства все более суживается, а само буржуазное хозяйство, напротив того, растет.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживается В. И. Анализируя процесс внутреннего рынка, он доказывает, что разложение крестьянства, т.е. превращение последнего в буржуазию и пролетариат, не суживает, а расширяет рынок для капиталистического производства. В резюме главы II «Развитие капитала», посвященной специально разложению крестьянства, В. И. пишет: «Разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма. В низшей группе это образование рынка происходит на счет предметов потребления (рынок личного потребления). Сельский пролетариат, по сравнению с средним крестьянством, меньше потребляет, и притом потребляет продукты худшего качества (картофель вместо хлеба и пр.), но больше покупает. Образование и развитие крестьянской буржуазии создает рынок двояким путем: во-первых, и, главным образом, на счет средств производства (рынок производительного потребления), ибо зажиточное крестьянство стремится превратить в капитал те средства производства, которое оно «собирает» и от «оскудевших» помещиков, и от разоряющихся крестьян. Во-вторых, рынок создается здесь и на счет личного потре-

брения, вследствие расширения потребностей у более состоятельных крестьян» (стр. 126. Все курсивы принадлежат В. Ильину). В другом месте той же книги (стр. 467), мы читаем: «Внутренний рынок для капитализма и создается параллельным развитием капитализма в земледелии и в промышленности, образованием класса сельских и промышленных предпринимателей, с одной стороны, сельских и промышленных наемных рабочих—с другой стороны». Эти положения образуют лейтмотив всей работы В. И., и если бы я захотел продолжать цитировать, мне пришлось бы переписать чуть ли не всю книгу. Т. Ленин видел в этой стороне вопроса ахиллесову пяту народничества, и со свойственным ему обыкновением бить в одну точку, повторял свои опровержения народнических предрассудков, давая и теоретические, и конкретно-исторические доказательства только-что формулированных положений. О том, что разложение крестьянства не суживает, а расширяет рынок, тов. Ленин писал не только в «Развитии капитализма», но и во всех своих чисто теоретических статьях, так или иначе затрагивающих проблему рынка. В статье, направленной против Струве и написанной в 1894 г., В. И. писал: «Капитализм не разоряет только, а разлагает крестьянство на буржуазию и пролетариат. Процесс этот не сокращает внутренний рынок, а создает (курсив В. И.) его: товарное хозяйство растет у обоих полюсов разлагающегося крестьянства: и у «пролетарского», вынужденного продавать «свободный труд», и у буржуазного, поднимающего технику своего хозяйства (машины, удобрения, инвентарь и т. д.) и развивающего потребности». (II том, стр. 150). В другой статье, посвященной критике «экономического романтизма», содержится параграф под характерным заглавием: «Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей?» Нечего и говорить, что автор отвечает на этот вопрос категорическим нет: по мере того, как крестьянство уступает место капиталистическому фермеру, а кустарь—фабрике, идет образование рынка для капитала (там же, стр. 166). В другой статье: «Крестьяне-земледельцы («третьи липы») создают рынок для капитализма лишь постольку, поскольку они разлагаются на классы капиталистического общества (сельскую буржуазию и сельский пролетариат), т.е. постольку, поскольку они перестают быть «третьими» липами, а стано-

вятся действующими лицами в системе капитализма» (там же, стр. 495) <sup>1)</sup>.

Итак, по Розе Люксембург, третьи лица создают рынок для капитализма, пока они остаются на уровне простого, товарного производства, и перестают его создавать, поскольку они сами приобретают образ и подобие капитализма. По Ленину, те же «третьи лица» продолжают создавать рынок для капитализма и тогда, когда они становятся действующими лицами в системе капитализма. Как это похоже на то, что В. И. был провозвестником теории Р. Л! Однако, нельзя ли найти сходство между Р. Л. и В. И. в том, что последний анализирует развитие капитализма в условиях разваливающейся внекапиталистической среды. Против такого «сходства» я, конечно, возражать не стал бы, ибо странно было бы думать, что капитализм есть самозарождающаяся общественная формация...

Грех. тон. Бессонов, навязывать В. Ильину—и при этом еще в 1923 г.—народнические теории! <sup>2)</sup>.

## II.

В своей первой статье, посвященной «Накоплению капитала» <sup>3)</sup>, я выдвинул против теории Розы Люксембург два соображения. Я доказывал, что проблема расширения воспроизводства в условиях чистого капитализма становится разрешимой, во-первых, если предположить наличие потребительского кредита рабочим, и, во-вторых, если учесть то обстоятельство, что капиталистическое государство занимается накоплением в экономическом смысле этого слова. Как увидит дальше читатель, оба эти соображения были вызваны самым характером постановки вопроса Розой Люксембург. Следуя методу автора «Накопления капитала», для которого наличие возрастающего спроса является экономическим *prius*ом, я пытался показать, что расширенное воспроиз-

<sup>1)</sup> Из сочинений В. И. явствует, что он считал ступень перехода натурального хозяйства к капиталистическому, т.е. простое товарное производство, лишь мимолетным и крайне неустойчивым этапом развития.

<sup>2)</sup> Тов. Мих. Павлович в своем очерке под заглавием «Ленин как разрушитель народничества» («Под знаменем марксизма», № 4 за 1923 г.) совершенно справедливо замечает, что критика Ильина бьет прямо теорию Р. Люксембург.

<sup>3)</sup> «Красная Новь», 1921 г., кн. I.

изводство в условиях «идеального» капитализма возможно даже при соблюдении только-что сформулированной предпосылки. Поскольку я считаю эту предпосылку методологически совершенно неправильной, я мог бы и не возвращаться к аргументации, приведенной мною в моей первой статье, но поскольку мои оппоненты и по этой линии считают возможным защищать компетенцию Р. Л., я беру на себя смелость утверждать, что в плоскости логической критики (т.е. критики, базирующейся на предпосылках оспариваемой теории), моя полемика против основного тезиса «Накопления капитала» была совершенно законна.

Начнем с первого соображения—потребительского кредита рабочим. Предположим, что перед нами тот самый «воображаемый единый склад капиталистического общества», или, короче говоря, та «товарная куча», с которой начинает свои рассуждения Р. Л. Для простоты представим эту «кучу» в цифрах:

$$4000c + 1000v + 1000m$$

Ставится вопрос о возможности накопления при отсутствии «третьих лиц». Р. Л. утверждает, что так как рабочие по завершении первого периода производства, давшего совокупному капиталисту упомянутую «товарную кучу», смогут купить только часть последней, соответствующую их заработной плате ( $1000v$ ), а сам совокупный капиталист приобретает лишь часть прибавочной ценности, идущую на его личное потребление (скажем,  $500m$ ). то остальная часть  $m$  не поддастся реализации, и накопление, вследствие этого, окажется невозможным. Посмотрим, так ли это на самом деле? Пусть та часть прибавочной ценности, которая не поддается реализации ( $500m$ ), складывается из  $400c$  (средств производства) и  $100v$  (средств потребления). С моей точки зрения, которую я с полным основанием считаю точкой зрения Маркса и далеко не худшей части русского марксизма, вопрос о накоплении решается здесь очень просто: капиталисты покупают  $400c$ , пускают в ход добавочных  $100$  деньгами <sup>1)</sup> на покупку рабочей силы, и воспроизводство в следующий период (неделю или год—безразлично) совершается на расширенном базисе. Но Р. Л. не хочет идти этим путем. Она на-

<sup>1)</sup> Деньги ни материально, ни «ценностно» в нашу товарную кучу не входят. Они должны существовать на ряду с последней.

зывает это «производством ради производства», т.-е. совершеннейшей бессмыслицей, с точки зрения капиталистической («Антикритика», стр. 17). Пусть это будет так, пусть сбыт 500 т без наличности наперед данного платежеспособного спроса, действительно, невозможен. В таком случае, наш воображаемый идеальный совокупный капиталист окажется в совершенно безвыходном положении: он, повидимому, не сможет и мечтать о расширении производства. Но если бы он на самом деле оказался в столь тяжелом положении, ему можно было предложить достаточно простое средство спасения, то самое средство, о котором я говорил в своей первой статье и которое вызвало столь бурные возражения со стороны одного из моих оппонентов. Не имея никаких намерений оставаться на уровне простого воспроизводства, наш собирательный капиталист (или, точнее, отдельные капиталисты, ибо класс, состоящий из конкурирующих «атомов», строю говоря, не «думает») предоставляет, скажем, безработным (через организацию последних или индивидуально, это значения не имеет). 200 деньгами в кредит. Из этих 200 безработные смогут в данный момент купить средства существования не более, чем на 100, ибо остальная часть 500 т имеется налицо в виде средств производства, т.-е. в натуральной форме, непригодной для личного потребления. Нереализованными в нашей товарной куче остались только 400 с. Но вместе с тем имеется добавочный спрос в размере 100 из 200, предоставленных капиталистами в кредит, и до сих пор израсходованных только наполовину. Но если дебиторы класса капиталистов пред'являют дополнительный спрос на средства существования, то для капиталистов есть стимул произвести расширение производства. А если это так, то они должны купить новые средства производства и добавочную рабочую силу. Предполагая для простоты, что органический состав капитала останется неизменным, мы приходим к тому выводу, что капиталистам (во имя удовлетворения нового спроса!) придется купить имеющиеся налицо 400 с. и на 100 добавочной рабочей силы, т.-е. напять тех, которые купили уже в кредит на 100 рублей средств потребления. Новый период производства начнется у нас с 4400 с средств производства и 1100 рабочей силы. Новые рабочие, получив 100 заработной платы, вернут все это своим кредиторам, и на протяжении следующего периода производства смогут восстанавливать свою

рабочую силу за счет тех средств потребления, которые они только-что купили. Результатом нашего нового производственного периода будет опять-таки некоторая «товарная куча», состоящая из

$$4400c + 1100v + 1100m,$$

где 4400 с представляют собой средства производства, 1100 v—средства потребления, а 1100m средства производства и средства потребления. Насчет реализации 4400с и той части m (скажем, 600 m), которая идет на потребу класса капиталистов, ни Р. Л., ни ее безоговорочные сторонники, вопросов не ставят. Но ведь у нас остаются еще нереализованными. во первых, 500 m, и, во-вторых, 100 v<sup>1)</sup>. Последние 100 будут куплены теми рабочими-должниками, которые, за отсутствием на рынке (в «товарной куче») средств потребления, своих денег раньше израсходовать не могли. В таком случае нереализованными останутся только 500m, которые распадутся, скажем, опять-таки на 400 с—в средствах производства и 100—в средствах потребления. Из кредита рабочим в 200—100 вернулись к совокупному капиталисту, и 100 остались непогашенными. Стоит только предположить, что капиталисты кредитуют рабочих опять на 100 (так что кредит опять составит в общей сложности 200), чтобы та же самая процедура началась снова. Мы, следовательно, опять имеем бы добавочный спрос в 100, на основе которого класс капиталистов вновь произвел бы расширение производства, 400 с опять вошли бы в постоянный капитал, рабочие, вновь вступившие в процесс производства, как и в первом случае, опять покрыли бы свой долг в 100 и т. д. Таким образом, капиталистическое накопление могло быть спасено на основе кредита пролетариям в 200, из коих «висячим долгом» были бы только 100.

Один из моих оппонентов, который любит перечислять мои ошибки по пунктам, находит, что я в своих соображениях касательно потребительского кредита рабочим «делаю зараз несколько ошибок». «Во-первых, рабочий класс в целом купить больше суммы своей заработной платы не может..., во-вторых (sic!), сумма заработной платы рабочих может в

<sup>1)</sup> Дело в том, что вступившие в процесс производства безработные-должники отдали капиталистам 100 долгу. Они, поэтому, не могут на свою заработную плату купить воспроизведенные ими средства потребления.

лучшем случае реализовать только переменный капитал». Прежде всего, это «во-вторых», по сути дела, есть то же самое, что «во-первых», и лишний «пункт» потребовался моему оппоненту лишь для вящего моего посрамления. А, кроме того, где это я предполагаю, что рабочий класс прыгает выше своей собственной головы, т.е. что он покупает средств существования на сумму, превышающую его заработную плату? Если он покупает добавочное количество продовольствия и одежды, пользуясь предоставленным ему кредитом, то это вовсе не значит, что он живет «не по средствам» и пользуется прибылями или подачками своего класса—антагониста. Ибо, как нетрудно видеть из данной выше расшифровки моего тезиса, рабочие покрывают получаемый ими кредит из своей заработной платы. Далее тот же товарищ пишет: «В-третьих, Дюлаицкий совершает грубую методологическую ошибку, ибо рассматривает вопрос с точки зрения отдельного капиталиста. В самом деле, с этой точки зрения (т.е. той, на которую я, якобы, становлюсь. Ш. Д.), кредит, оказываемый данным рабочим, имеет существенное значение, ибо расширяет рынок сбыта». И далее идет то же самое, что было уже сказано и под пунктом первым, и под пунктом вторым: «Но если его взять в разрезе всего общественного капитала и всего класса рабочих, то потребительский кредит теряет это свое значение,—он в лучшем случае дает только тот результат, что реализуется весь переменный капитал на всю сумму заработных плат рабочих»<sup>1)</sup>. Повторение есть, как говорят, мать учения, и если бы мой противник просто заладил одно и то же, то я, вообще говоря, против этого абсолютно ничего не имел бы, но откуда он берет, что я становлюсь на точку зрения отдельного капиталиста и впадаю, таким образом, в тяжчайший грех героев вульгарной политической экономии? Этого я из приведенной цитаты никак понять не могу<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Ст. «Проблема накопления капитала и империализм». М. Шварца. «Спутник Коммуниста», № 22 за 1923 г., стр. 190—197.

<sup>2)</sup> В своей второй статье, помещенной в «Вест. Соц. Акад.» (№ 3), т. не останавливаясь на потребительском кредите рабочим, писал по поводу приведенной в тексте аргументации следующее: «Я вовсе не склонен утверждать, что именно в кредите рабочим кроется истинное спасение неспособного к накоплению «чистого» капитализма: ведь мне нужно было показать только возможность накопления без наличности какой бы то ни было некапиталистической среды». (Стр. 120).

В своей статье, помещенной в «Красной Нови», и в предисловии к первому изданию основной работы Р. Л. я говорил, что при той постановке вопроса, которую дает автор «Накопления капитала», выходом из мнимого тупика могли бы еще послужить чисто экономические функции капиталистического государства. И обосновал эту мысль следующими словами: «Кроме того, Р. Л. не учитывает такого могучего фактора накопления, как капиталистическое государство. Будучи орудием классового господства буржуазии, оно в то же самое время выступает в качестве самой универсальной социально-экономической организации класса капиталистов. Буржуазное государство принимает на себя ряд функций производственного характера: оно организует почту и телеграф, прокладывает железные дороги, орошает безводные пустыни, роет каналы, строит гавани и т. д., и т. д. Оно, значит, не только кормит сотни тысяч непродуцированных чиновников, но занимается и накоплением в экономическом смысле этого слова. Откуда государство берет необходимые для этого «ценности» или соответствующие им вещественные элементы? Оно получает их в виде паёв, т. е., главным образом, из прибавочной ценности. Следовательно, часть пресловутого «излишка» передается в руки государства, и класс капиталистов избавляется от столь печальных последствий, как перспектива бросать свои товары в море». Для большей ясности попытаемся пояснить это на числовом примере. Пусть наша товарная «куча», по окончании некоторого производственного периода, складывается из следующих частей:

$$4000c + 1000v + 1000m$$

4000с представляют собою средства производства, 1000v—средства потребления, а 1000m—и средства производства, и средства потребления. Если мы предположим далее, что сами капиталисты потребляют из всей прибавочной ценности 500 m, то в остатке получится 500 m (состоящие, скажем, из 400 в ср. произв. и 100 в ср. потр.), которые с точки зрения критикуемой теории не поддаются реализации. Чтобы выйти из затруднительного положения, допустим, что капиталистическое государство при помощи своего фискального аппарата забирает у остальных капиталистов (ибо государство тоже есть капиталист) неподдающиеся сбыту 500 m и дает им

производительное потребление. Проблема роста капитализма оказывается, таким образом, разрешенной.

Тов. Шварц, мой самый рьяный оппонент, п здесь «разбивает» меня по пунктам. П у н к т п е р в ы й: «Государство,— пишет он,—черпает свои доходы не просто из прибавочной ценности, а, главным образом, из прибавочной ценности, не предназначенной для накопления,—это равносильно уменьшению потребительского спроса класса капиталистов, т.е. ничуть не подвигает нас вперед в деле реализации накопленной (?) части прибавочной ценности». Это возражение основано на полном недоразумении. Ведь мы вместе с нашим оппонентом и вместе с Р. Л. предположили, что все части нашей товарной «кучи», за исключением пресловутых 500 т, уже реализованы. А если это так, то реализована и та часть прибавочной ценности, которая должна была идти на личное потребление класса капиталистов, и уменьшить ее капиталистическое государство уже не может. Я предполагаю, что оно забирает именно ту часть, которая существует в форме, непригодной для личного потребления класса капиталистов, ибо если бы оно польстилось на предметы роскоши и прочие «утонченные» средства потребления класса капиталистов, то оно, конечно, никакого расширения производства осуществить не могло бы. Мой оппонент был бы, однако, прав, если бы он сказал, что при моих предположениях ни один капиталист, за исключением государства-капиталиста, не был бы в состоянии накапливать. Но на это можно было бы возразить следующее: во-первых, накопление, т.е. расширенное воспроизводство <sup>1)</sup> все равно имело место, а во-вторых, если капиталистическое общество очутилось в состоянии «непреодолимого» застоя, то кто же, спрашивается, мог бы отдельным капиталистам и государству-капиталисту во имя своего спасения комбинировать оба предполагаемых нами метода: и потребительский кредит, и производительное потребление государства? Ведь при этих условиях и те, и другие имели бы возможность расширять свои предприятия, и ничего противоречащего сущности буржуазного общества у нас не полу-

<sup>1)</sup> «Спутник Коммуниста», № 23, стр. 197.

<sup>2)</sup> Тов. Шварц, между прочим, думает, что «расширенное воспроизводство мыслимо и без накопления капитала, путем увеличения эксплуатации уже занятых рабочих» (цит. ст., стр. 173). Он, очевидно, думает, что расширение производства возможно и без добавочных средств производства...

чилося бы. Пункт второй: «Т. Дволайцкий почему-то упустил из виду, что налоги падают не только на капиталистов, но и на рабочих, т.е. на их заработную плату, а если это принять в расчет, то мы попадем из огня, да в полымя» (там же, стр. 197). Это возражение тоже основано на полном непонимании того, о чем идет речь. Если мы говорим о совокупной заработной плате, то мы имеем, конечно, в виду ту сумму ценностей, которую рабочий класс фактически получает; то, что вычитается из получаемой им денежной суммы путем методов *truck system* или при помощи налогового аппарата, само собой разумеется, не входит в его совокупную заработную плату. Весь этот вычет составляет часть общественного прибавочного продукта. Но сделаем снова уступку тов. Шварцу. Пусть часть налогов, действительно, черпается из заработной платы. Этим самым мы признаем, конечно, что другая часть берется из прибавочной ценности, чего не склонен оспаривать и мой оппонент («налоги падают не только на капиталистов»). Но если это так, торжествует мой непримиримый противник, то «увеличение государственного спроса означает уменьшение платежеспособного спроса пролетариата, и воз остается на месте» (там же). Но позвольте, уважаемый товарищ, как же это так? Если мы не согласимся с Вами, что налоги в нашем абстрактном анализе падают и на рабочих и что капиталистическое государство «докупит» то, чего, вследствие сокращения заработной платы, не мог купить рабочий класс, то все количество средств потребления, соответствующее в нашем «воображаемом едином общественном складе» переменному капиталу, как ни как окажется реализованной. Попробуйте это опровергнуть! Ну, а та часть налогов, которая черпается из прибавочной ценности и наличность которой Вы сами признали? Ее-то капиталистическое государство сможет обратить на покупку той доли прибавочной ценности, которая оказалась нераспроданной? Я думаю, что да, Вы, повидимому, думаете—нет. Если бы это был спор о вкусах, то каждый из нас мог бы остаться при своем мнении, но ведь мы «полемизируем» не о вкусах, а раз это так, то прав тот, на чьей стороне логика. Как видите, воз отнюдь не остался на месте... Пункт третий и, по мнению Шварца, «самый существенный»: «Государственные налоги взимаются в денежной, а не в натуральной форме, и раньше, чем пресловутый излишек передается в руки госу-

дарства, он должен быть реализован на деньги». Тезис этот, взятый, как говорят немцы, *an und für sich*, совершенно бесспорен: в натуральной форме налоги взимаются только в отсталых докапиталистических или полукapиталистических странах. И если бы наше государство вздумало натурой забирать предназначенную для накопления прибавочную ценность, то оно кровно обидело бы тех капиталистов, у кого указанная часть прибавочной ценности имеется в вещественной форме. Само собой разумеется, что государство, ищущее «спасения» для капиталистического общества, поступит иначе. Оно бросит в обращение соответствующую сумму денег, закупит, таким образом, то, что ему нужно, и затем выкачает свои деньги обратно при помощи налоговой системы. Государство-капиталист сможет, впрочем, избрать и другой путь. Оно выпустит краткосрочный заем на сумму, равную «не поддающейся реализации» прибавочной ценности, купит ее, и уже потом взыщет причитающиеся ему налоги и весьма быстро покроет свой долг<sup>1)</sup>. Новое препятствие будет, таким образом, преодолено, и воз все-таки двинется к месту. Такова цена третьего и «самого существенного» выражения моего оппонента...

Повторяю, я не стал бы возвращаться ко всей этой аргументации, если бы не ожесточенные нападки выступивших против меня товарищей. Поскольку она была вызвана неправильной постановкой вопроса в «Накоплении капитала», я мог бы ее обойти, но раз тов. Шварц и, отчасти, тов. Мотылев сочли нужным выступить против первоначальных моих соображений, то я решил «популяризировать» эти последние и показать, что неразрешимая, с точки зрения Р. Л., проблема разрешается даже в том случае, если мы начнем свой анализ, отправляясь от ее собственной исходной позиции.

<sup>1)</sup> Особенно придирчивый читатель, вроде т. Шварца, вероятно, скажет: «Но позвольте, когда мы говорим об общественном капитале, мы включаем уже в него денежный капитал, откуда же в таком случае берутся добавочные деньги?» Что весь общественный капитал включает в себе и денежный капитал, это, конечно, верно, но наша товарная куча  $(4000\text{ с} + 1000\text{ в} + 1000\text{ м} = 6000)$  никаких денег в себе не включает: она образует общественный капитал только в сумме с деньгами, существующими наряду с ней. А кроме того, я могу успокоить своих оппонентов указанием на то обстоятельство, что для осуществления указанной в тексте задачи можно обойтись крайне незначительной суммой денег, для этого достаточно только ускорить оборот каждой отдельной монеты.

## III.

Переходы к возражениям моих оппонентов, направленным специально против моей второй статьи, я должен, прежде всего, отметить, что они не отдали себе отчета в том, какое значение я приписываю в проблеме накопления кредиту. Я поставил вопрос так. Капиталисты, расходуя на свое личное потребление половину своей прибавочной ценности, тратят, скажем, 1.000.000 руб. в неделю; положим, что рабочие за тот же промежуток времени расходуют такую же сумму; стало быть, их общий спрос в течение недели составит 2.000.000 рублей, и эта сумма определит собой поглотительную способность рынка и сегодня, и через месяц, и через год. Поскольку Р. Л. считает условием возможности расширения производства з а р а н е е данное увеличение спроса, я и указывал, что это затруднение представляется совершенно мнимальным, если мы не абстрагируемся от кредита. Кредит мне понадобился только потому, что я хотел, оставаясь на исходной позиции Р. Л., согласно которой расширение спроса должно предшествовать расширению производства, доказать, что с проблемой накопления дело обстоит совсем не так плохо, как думает автор критикуемой теории.

Если бы мне, вне всякой связи с теорией Р. Л., пришлось доказывать возможность расширенного воспроизводства, я мог бы обойтись и без кредита, ибо, на мой взгляд, знаменитый и методологически, столь плодотворный тезис Маркса о п р и м а т е производства над всеми сторонами хозяйственной жизни, а стало быть, и над распределением, до сих пор никем не опровергнут. А тезис этот в применении к интересующему нас явлению расшифровывается в такую формулу: «Потребление развивается вслед за накоплением сил или вслед за производством, как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом строе» <sup>1)</sup>. Я раз-

<sup>1)</sup> В. Ильин. «К характеристике экономического романтизма» (см. II том «Собр. соч.», стр. 180). То же самое в статье против Нежданова: «Мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением непосредственною, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством (там же, стр. 500. Курсивы в обеих цитатах принадлежат В. Ильину). Такое же положение высказывает и А. Финн-Елбтаевский: «В капиталистическом строе производство идет впереди потребления, первое толкает второе» («Современное хозяйство России», стр. 35).

яснил это достаточно понятно на весьма элементарном примере, доказывая, что «самым фактом расширения производства за пределы его вчерашнего базиса дано уже расширение платежеспособного спроса». И если мне нужно было при помощи кредита объяснять «самый факт расширения производства», то исключительно только потому, что мне хотелось остаться в рамках логической схемы Р. Л. Не будь этого обстоятельства, я рассуждал бы примерно так. Капиталисты вынуждены расширять свое производство, ибо иначе они могут оказаться сброшенными с арены конкурентной борьбы. Но раз производству расширилось, то возрос и платежеспособный спрос. Далее пришлось бы только исследовать, когда и при каких условиях существует соответствие между производством и потреблением.

Справедливость требует признать, что тов. Мотылев иногда понимает сущность моих рассуждений; он, например, пишет, что я «превращаю в центральный пункт моей критики» положение, согласно которому «расширение производства, осуществляемое при посредстве кредита, увеличивает количество рабочих и совокупную покупательную их способность» (стр. 139) <sup>1)</sup>. По мнению тов. Шварца, который вообще ничего не хочет понять, я считаю кредит «отдушиной для накопленной (опять накопленной! Ш. Д.) прибавочной стоимости», «спасательным кругом для капиталистического накопления»...

Основные аргументы, выставленные против меня тов. Мотылевым, носят в высшей степени странный характер. Он то утверждает мне общеизвестные истины, то искажает мои утверждения, то доказывает мне вещи, которые я достаточно пространно обосновываю в своей статье.

Рассуждения тов. Мотылева показывают, что он не спорит против той несомненной истины, что факт расширения производства влечет за собой увеличение платежеспособного спроса. Он, повидимому, хочет только доказать, что этот спрос всегда отстаёт от размеров производства. Я говорю: «повидимому» потому, что он в дальнейшем изложении, указы-

---

<sup>1)</sup> Что тов. Мотылев иногда хочет меня понять, видно и из другого места его статьи: «Центральным пунктом рассуждений г. Дволайского в обеих статьях является, очевидно, положение, что кредит создает возможность реализации, ибо вызываемое им волнообразное расширение производства увеличивает совокупный переменный капитал, т.е. покупательную способность масс» (стр. 139, курс. мой. III. Д.).

вая на слабые стороны Р. Л., высказывается в том смысле, что «противоречие между производством и потреблением обнаруживается в результате более деятельных периодов развития» (стр. 151). Для того, чтобы убедить меня в невозможности соответствия между расширением производства и детерминированным им увеличением потребительского спроса, он пространно, на нескольких страницах обстоятельно и популярно разъясняет мне, что существует «всеобщий закон капиталистического накопления», что «с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть или включаемая в его состав рабочая сила, по увеличивается в постоянно убывающей пропорции» (Маркс), и что я, в силу игнорирования закона роста органического состава, впал в непростительное заблуждение. Мой оппонент даже не подозревает, что приводимый им аргумент говорит не против, а за меня. В самом деле. Если мы возьмем случай расширенного воспроизводства, протекающего в условиях постоянства органического состава капитала, и предположим, что норма накопления также остается неизменной, то мы увидим, что рост всей общественной продукции идет таким же темпом, как и рост производства предметов потребления, как тех, которые предназначены для рабочих, так и тех, которые служат удобствам и прихотям класса капиталистов. Чтобы убедиться в этом, мы рекомендуем тов. Мотылеву разобраться во II примере, приводимом в III отделе II тома «Капитала». Из этого примера вытекает, что средства потребления в любой год составляют  $\frac{3}{4}$  всей изготовляемой «товарной кучи». А если это так, то возможность реализации всего общественного продукта требует, чтобы процент расширения потребительского спроса был такой же, как и процент роста совокупного капиталистического производства. Тов. Мотылев признает правильным анализ Маркса, поскольку последний исходит в своих схемах из гипотетических предпосылок о неизменности органического состава капитала, одинаковой нормы эксплуатации и пр. (стр. 151). Судя по этому, можно думать, что он не станет возражать против только что изложенных мною элементарных истин.

Какова же будет картина при расширяющемся производстве? Чтобы ответить на этот вопрос, я позволю себе привести цитату из В. И. Ильина: «Рост капиталистического про-

изводства, а следовательно, и внутреннего рынка идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства. Иначе: рост средств производства обгоняет рост предметов потребления. В самом деле, мы видели, что постоянный капитал в предметах потребления (II подразделение) обменивается на переменный капитал + сверхстоимость в средствах производства (I подразделение), но, по общему закону капиталистического производства, постоянный капитал растет быстрее переменного. Следовательно, постоянный капитал в предметах потребления должен возрастать быстрее, чем переменный капитал и сверхстоимость в предметах потребления, а постоянный капитал в средствах производства должен возрастать всего быстрее, обгоняя и рост переменного капитала (сверхстоимость) в средствах производства, и рост постоянного капитала в предметах потребления. То подразделение общественного производства, которое изготавливает средства производства, должно, следовательно, расти быстрее, чем то, которое изготавливает предметы потребления» <sup>1)</sup>. Это значит, что с ростом всей «товарной кучи» рост предметов потребления будет протекать гораздо более медленным темпом: если вся общественная продукция будет возрастать в геометрической прогрессии с знаменателем 2, то продукция предметов потребления будет возрастать в прогрессии, скажем, с знаменателем  $1\frac{1}{4}$ . Совершенно ясно и то, что по мере увеличения роста органического состава капитала процент роста продукции предметов потребления будет уменьшаться по сравнению с процентом роста производства вообще и средств производства в особенности. Вместо того, чтобы обывать некоторую определенную долю всей продукции (скажем,  $\frac{3}{14}$ ) покупателям средств потребления, как это имеет место в гипотетическом случае постоянства органического состава капитала, совокупный капиталист будет вкладывать все возрастающую долю (скажем,  $\frac{11}{14}$ ,  $\frac{14}{15}$ ,  $\frac{15}{16}$  и т. д.) своей «товарной кучи» в средства производства. <sup>2)</sup> Именно таков был бы эффект не только в том случае, когда капиталисты потребляют половину своей

<sup>1)</sup> «Развитие капитализма в России», II изд., стр. 18.

<sup>2)</sup> Крайне существенное значение имеет здесь и следующее обстоятельство, обычно упускаемое из виду: схемы Маркса учитывают лишь ту долю постоянного капитала, которая входит своей ценностью в приготавливаемый товар, т.-е. долю, соответствующую сносенной части

прибавочной ценности, но и в том не менее гипотетическом случае, когда они живут манной небесной: производство могло бы расширяться на основе расширения роста одного только потребления рабочих <sup>1)</sup>).

Тов. Мотылев думает, между прочим, что делу может сильно повредить рост нормы накопления, или, что то же, уменьшение доли прибавочной ценности, потребляемой классом капиталистов. Он, очевидно, предполагает не абсолютное, а лишь относительное уменьшение потребления господствующего класса. Если это так, то потребление капиталистов все же предъявляет добавочный спрос по сравнению с истекшим периодом. Но стоит только сделать такое допущение, чтобы прийти к выводу, что удовлетворение этого добавочного спроса, в силу ценной связи между отдельными отраслями хозяйства, потребует гораздо большего расширения производства в целом и в первую голову производства средств производства <sup>2)</sup>). Положим, например, что в прошлом году капиталисты затратили на личное потребление из своей прибавочной ценности в 1000—50%, т.е. 500, а в текущем году—только 48% возросшей прибавочной ценности в 1200, т.е. 576. Добавочный спрос со стороны капиталистов составит, таким образом, 76. Если это будет, например, спрос на особняки, то обусловленные им затраты на расширение кирпичных заводов для изготовления кирпичей, металлургических заводов для изготовления балок, стекольных заводов для изготовления стекла и т. д., а равным образом, затраты на расширение тех предприятий, которые делают возможным увеличение производства только что перечисленных отраслей промышленности,—будут в десятки раз больше самого этого увеличения спроса со стороны класса капиталистов. Стало быть, допущение об относительном падении потребления капиталистов скажется не столь уже губительным для капитализма, как это думает мой оппонент.

основного капитала и постоянной части оборотного. А если это так, то та «пропасть», куда капиталисты «бухают» все возрастающую долю своей прибавочной ценности, гораздо глубже, чем это представлено в упрощенном анализе Маркса. Другими словами, рынок средств производства растет еще быстрее, чем мы предполагали в тексте.

<sup>1)</sup> Само собой разумеется, что такое расширение производства возможно только в продолжение некоторого определенного периода, но об этом ниже.

<sup>2)</sup> Неполнота этой ценной связи признаю не только я, грешный, и не только Богданов и Степанов, но и сам Маркс (см. Theorien über den Mehrwert, В. II S. 244—245). Соглашается с нею и мой оппонент.

## IV.

Выставив «против» меня разобранные мною только что «возражения», тов. Мотылев становится в позу победителя и гордо спрашивает: «Можно ли, однако, в свете развитых нами положений <sup>1)</sup> утверждать, что это расширение производства, а значит, и количества товаров, вызовет соответственное же увеличение переменного капитала?» (стр. 145, курс. т. М.). Этим мой добросовестный критик хочет мне навязать ту мысль, что рост спроса на средства потребления, обусловленный расширением производства, всегда соответствует росту этого последнего,—другими словами, что я допускаю возможность развития чистого капитализма без всяких кризисов.

Чтобы убедить читателя, незнакомого с моей предыдущей статьей, что я ничего подобного не утверждаю, я позволю себе изложить свою точку зрения на затронутый вопрос, ибо если бы я действительно придерживался той позиции, которую насильно пытается приписать мне Мотылев, то мне ничего другого не оставалось бы, как присоединиться к Туган-Барановскому.

Имманентной чертой капитализма является тенденция к бесконечному расширению производства; капиталист вынужден расширять свое предприятие, постоянно заботиться об улучшении техники, о превращении своего производства в производство массовое и т. д.; ибо, если он будет руководствоваться народной пословицей: «Кто малым доволен, тот у бога не забыт», то он очень быстро окажется скинутым конкурентной борьбой со счетов. Но поскольку такая тенденция свойственна каждому отдельному капиталисту, она свойственна и всему классу капиталистов в целом. Само собой разумеется, что рост производства, вызывая все ускоряющийся рост элементов постоянного капитала, создает, вместе с тем, и рост количества изготавливаемых средств потребления. Иначе и быть не может, ибо противоположное допущение, как я указал достаточно определенно в своей второй статье (стр. 103—104), сделало бы весь производственный процесс технически, а следовательно, и экономически совершенно бессмысленным. Как же обстоит дело с ростом по-

---

<sup>1)</sup> А «свет развитых нами (т.-е. т. М.) положений» заключается в росте органического состава капитала и в повышении нормы накопления...

требительского спроса? Что он, вообще говоря, растет, на-  
счет этого у нас, повидимому, разногласий нет. Но если тен-  
денция роста производства не ограничена, то тенденция  
расширения потребительского спроса безусловно ограничена;  
она ограничена, по выражению В. Ильина, «пролетарским со-  
стоянием масс». Это значит, что размеры потребления рабо-  
чего класса обусловлены нормой эксплуатации. Получить  
больше, чем ему «причисляется» согласно этой «норме», он  
может только путем «ограбления» класса капиталистов.  
Именно в этом непосредственно сказывается антагонистиче-  
ский характер капиталистического общества, обуславливаю-  
щий классовую борьбу, толкающий пролетариев на забастовки,  
восстания и т. д. <sup>1)</sup>). Но если мы имеем два нарастаю-  
щих процесса, из которых один идет быстрее второго, то совер-  
шенно очевидно, что в определенный момент между  
этими двумя восходящими процессами наступит несоответ-  
ствие. Следствием этого расхождения будет кризис. «Но по-  
звольте,—спросит читатель,—почему же это несоответствие  
наступит лишь в определенный момент, а не сразу? Ведь  
если оно наступит сразу, то ни о каком расширении произ-  
водства и, следовательно, ни о каком подеме говорить нельзя  
будет». Суть дела в том, что совокупный капиталист «начи-  
нает» подъем с повышения органического состава капитала.  
Это значит, что первые ступени подъема сопровождаются  
крупными инвестициями капитала, в особенности  
основного капитала. На переоборудование и расширение  
вещественных элементов основного капитала уходит огромное  
количество производительных сил (и мертвых, и живых), но  
перенесение ценности этой части капитала  
на вновь изготавливаемый продукт начинается  
лишь по истечении некоторого времени после  
начала подъема, именно тогда, когда соответствующее

---

<sup>1)</sup> «Капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безгра-  
ничному расширению производительного потребления, к безграничному  
расширению накопления и производства, а с другой стороны—пролета-  
ризирование народных масс, ставящее довольно узкие границы расши-  
рению личного потребления». (Вл. Ильин. «Заметка к вопросу о теории  
рынков», II том, стр. 475). В статье того же автора против П. Нежданова  
мы читаем: «Противоречие между производством и потреблением, при-  
сущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной  
быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного рас-  
ширения, тогда как потребление (личное) если и растет, то крайне слабо;  
пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро ра-  
сти личному потреблению» (там же, стр. 498).

оборудование готово и начинает приносить блага, предназначенные для потребления. Именно с этого момента расширенное производство начинает с особенной силой сказываться на увеличении количества предметов потребления, и именно с этого момента возможность расхождения между отмеченными выше тенденциями, а следовательно, и угроза неизбежного кризиса становится все реальнее. Таково, в основных чертах, объяснение кризисов, которого я придерживаюсь.

Зная на основании моей предыдущей статьи мою точку зрения на этот вопрос, тов. Мотылев тем не менее считает нужным меня поучать: «Если-б капиталисты,—пишет он (стр. 146),—расширили производство, опираясь на предлагаемые тов. Дволайцким способы использования кредита, то скоро (как скоро? Значит ли это немедленно же после первых шагов расширения производства? Ш. Д.) обнаружилось бы огромное перепроизводство, началась бы волна банкротства, которая привела бы к волнообразному сокращению производства ниже прежнего уровня». Но, может быть, тов. Мотылев вовсе не бьет мне челом моим же добром? Может быть, я действительно высказывал в своей статье ту мысль, что производство всегда создает себе адекватный рынок?

Как это ни скучно, но мне для ответа на поставленные вопросы придется сделать сравнительно длинную выписку из той самой статьи, против которой направлено критическое острие тов. Мотылева: его своеобразные полемические приемы меня к этому вынуждают.

«Наши рассуждения показывают,—писал я на стр. 124-125 названной статьи,—что даже в условиях «чистого» капитализма возможно одновременное расширение и платежеспособного спроса, и производства. По мнению Розы Люксембург, признание такого тезиса неизбежно приводит к постороениям Сэя и его отдаленного потомка Туган-Барановского. По мнению Тальгеймера, это и есть то «лишнее», что было доказано русскими марксистами в их споре с народниками. Но, говоря о возможности одновременного расширения производства и рынка, мы тем самым отнюдь не утверждаем, что второй идет в ногу с первым. Сам Маркс, который как ни как стоял на точке зрения возможности накопления в условиях чистого капитализма, самым решительным образом возражал против подобного рода утверждений. Он подчеркивал, что рост

платежеспособного спроса в силу антагонистического характера распределения, имеет тенденцию отставать от производства и в определенные моменты тенденция прорывается наружу с колоссальной силой <sup>1)</sup>. «Если этот процесс (кругооборот капитальной ценности) расширяется, что предполагает расширение производительного потребления средств производства, то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширенным личным потреблением (и, следовательно, спросом) на стороне рабочих, потому что подготовкой и посредствующим звеном к этому процессу служит производительное потребление. Так может возрасти производство прибавочной ценности, а вместе с ним весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем положении, и, однако, большая часть товаров может переходить в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она остается нераспроданной в руках перекупщиков, следовательно, фактически все еще пребывает на рынке. Но поток товаров следует за потоком, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Явившиеся позже продают по пониженной цене, только бы продать. Прежние потоки еще не сбыты, как наступают сроки уплаты за них. Владельцы их должны объявить себя несостоятельными или, что то же, чтобы произвести платежи—продавать по какой угодно цене. Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса. Она определяется лишь спросом на платежи (курсив Маркса), абсолютной необходимостью превратить товар в деньги. Потом разражается кризис. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса—спроса со стороны личного потребления, но в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала» <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> В подтверждение этого положения я в выноске к этому месту привел ряд цитат из „Theorien über den Mehrwert“.

<sup>2)</sup> «Капитал», т. II, стр. 51. Курсивы, за исключением оговоренного, как здесь, так и в первоначальном тексте принадлежат мне.

Теперь, я думаю, даже самый пристрастный читатель оценит по достоинству полемические приемы моего противника. Впрочем, тов. Мотылев пускает против меня в ход тот же добросовестный прием не только в разделе I своей статьи, но и в разделе III. Он выдергивает из повторенной мною здесь цитаты несколько строк и пускается на весьма своеобразную хитрость. «Тов. Дволайцкий вынужден отметить (как восхитительно это «вынужден»! Ш. Д.), что Маркс (начинаются мои слова. Ш. Д.) «подчеркивал, что рост платежеспособного спроса, в силу антагонистического характера распределения, имеет тенденцию отставать от производства, и что эта тенденция в определенные моменты прорывается наружу с колоссальной силой» (курс. т. М.). Скрывая от читателя, что я непосредственно, вслед за этими словами, привожу цитату из Маркса, разъясняющую и что это за «колоссальная сила», и что это за «определенные моменты», тов. Мотылев, не крапя и даже не моргнув глазом, схибно спрашивает меня в упор: «В какие именно моменты? Почему тов. Дволайцкий не выражается яснее? Не в моменты ли кризисов, тов. Дволайцкий?!» Что вам на это ответить, тов. Мотылев? Думаю, что для Вашей литературной репутации будет гораздо выгоднее, если я поставлю здесь точку.

## V.

Во втором абрисе своей статьи, носящей, вообще говоря, оппортунистически-компромиссный (в научном смысле) характер, мой оппонент хочет, с одной стороны, приблизить Маркса к Р. Л., и с другой стороны—поправить некоторые шероховатости последней с тем, чтобы доказать, что «положительная часть теории накопления Розы Люксембург является прямым (!) продолжением учения Маркса». Для такого рода примирения двух теорий нужно было, конечно, показать, что Маркс считал условием реализации прибавочной ценности существование внекапиталистических покупателей. Чтобы убедить читателя, что это действительно так, тов. Мотылев «ограничивается одной убедительной цитатой из III тома». Я не буду приводить эту пресловутую цитату целиком, так как она приводилась в печати сотни раз, как теми, кто хотел найти противоречие между Марксом II тома «Капитала»

и Марксом III тома, так и теми, кто настойчиво хотел навязать Марксу народническую точку зрения. Я ограничусь концом этой цитаты, который обычно «инкриминируется» автору «Капитала»: «Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользают от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства (курс. мой. III. Д.). Но чем более развивается производительная сила, тем более вступает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление» (из XV гл. III тома). Закончив цитату, тов. Мотылев уже от себя продолжает: «Цитата эта доказывает с полной очевидностью (!), что Маркс не считал возможным безконечное и прогрессирующее накопление в «чистом» капитализме, что длительный и прогрессирующий реальный процесс накопления он считал возможным лишь при наличии внекапиталистических рынков и потребителей. На это он прямо (!) указывал в заключительных строках цитаты» (стр. 150, все курсивы мои. III. Д.) <sup>1)</sup>. Я, при всем желании, из цитат Маркса такого безусловного вывода сделать не могу. Помоему «с полной очевидностью» из этой цитаты вытекает только то, что «внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства». Что это за «поле», мне ни из этого места «Капитала», ни из других мест неясно. Я, однако, охотно допускаю, что речь идет о внекапиталистических рынках. В таком случае, мы получаем, что присущее капитализму внутреннее противоречие стремится найти себе выход в некапиталистической среде. Я и это охотно допускаю <sup>2)</sup>. Ну, а

<sup>1)</sup> Я обращаю внимание читателя на крайнюю осторожность моего оппонента в выражениях: он почти всюду пишет о «бесконечном» накоплении, о «длительном» процессе и т. д. Ну, а скажем, 50 лет чистый капитализм без внекапиталистической среды развиваться может или нет? Я ставлю своему оппоненту этот вопрос не в политической плоскости, а в плоскости чисто экономической, т. е. я спрашиваю: возможна ли реализация товаров в чистом капитализме в течение, например, полувека?..

<sup>2)</sup> С ролью внекапиталистической среды в проблеме расширения производства мы еще будем иметь случай говорить в дальнейшем.

что если некапиталистических потребителей не окажется, и если то стремление, о котором пишет Маркс, все-таки окажется неудовлетворенным? Тов. Мотылев думает, что капитализму будет как-то. Он, повидимому, уверен, что такова была и мысль Маркса, когда он писал разбираемую цитату. Я же придерживаюсь на этот счет другого мнения. По-моему, невозможность найти внекапиталистических покупателей способствовала бы только тому, что кризис наступил бы раньше, чем в случае, если бы это «внешнее поле производства» нашлось бы. Конечно, капитализм, споткнувшись на таком кризисе, мог бы и погибнуть, во всем не в силу невозможности реализации прибавочной ценности, а в силу крайнего обострения классовых противоречий и революционного восстания могильщиков капитализма. Тов. Мотылеву вольно, конечно, думать, что выдержку из Маркса можно толковать в смысле теории Р. Л., но претендуя на некоторое знакомство с сочинениями основоположника научного социализма, я беру на себя смелость утверждать, что он никогда и нигде в таком смысле не высказывался. Тов. Мотылев ссылается еще на целый ряд не менее ярких и убедительных заявлений и рассуждений, которыми изобилует XV глава III тома «Капитала» и которые свидетельствуют о том, что абзац о «внешнем поле производства» отнюдь не стоит «изолированно». Тов. Мотылев хорошо делает, что он в своей статье не приводит соответствующих цитат, ибо все они трактуют о присущем капитализму противоречии между производством и потреблением,—и только. Эти цитаты, подобно той, которую выписал в своей статье мой оппонент, охотно приводились народниками, пытавшимися затащить Маркса в свой лагерь; они приводились знаменитым, «геростратовски знаменитым», как выражается В. Ильин.—Бернштейном, чтобы поставить Маркса на одну доску с Родбертусом; они приводились Туган-Барановским и Неждановым для доказательства того положения, что «Маркс страдал серьезным внутренним противоречием», и что он XV главой III тома разбивает свою собственную теорию реализации. Что на все это отвечал В. Ильин? Он правильно указывал, что «во всех этих положениях констатируется указанное противоречие между безграничным стремлением расширять производство и ограниченным потреблением, и нилего больше»; что «это противоречие во все не ведет необходимо к тому, чтобы систе-

матически <sup>1)</sup> производился избыточный продукт (как хочет думать г. Нежданов)»; что «мы вполне можем представить себе (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе) реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта»; что «нет ничего более бессмысленного, как выводить из этих мест «Капитала», будто Маркс не допускал возможности реализовать сверхстоимость в капиталистическом обществе» <sup>2)</sup>.

Пресловутые цитаты из XV гл. III тома приводятся и другим моим оппонентом, тов. Шварцем, и в этом нет ничего удивительного, так как он некритично излагает Р. Люксембург, а последняя цитирует все эти места в своей «Антикритике» (стр. 85—87). Тов. Шварц тоже приходит к убеждению, что они «подтверждают выводы Р. Люксембург». Правда, он добросовестно заявляет, что «вывода, сформулированного таким образом (т.-е., как у Р. Люксембург. III. Д.) у Маркса нет», и что «это, отчасти, объясняется тем, что проблема накопления Марксом не была доведена до конца». Но судя по ссылкам, можно думать, что тов. Шварц знаком с работами Ильина: из «Развития капитализма» он даже приводит выдержки. Чем же объяснить, что он при помощи архаической аргументации старается доказать «истины», которые В. Ильин четверть века тому назад клеймил, как бессмысленные? Хорошо сказал однажды, — по почти аналогичному случаю, — тов. Ленин: «читали — и ничего не поняли»...

В отличие от Р. Люксембург, тов. Мотылев полагает, что анализ воспроизводства, данный Марксом в III отд. II тома «Капитала», вовсе не исключает тезиса о невозможности реализации прибавочной ценности в реальных условиях капиталистического развития. Для тех гипотетических условий, которые лежат в основе схем II тома (постоянство органического состава и пр.), он считает «построения» Маркса совершенно правильными. Чтобы читатель не подумал, что Маркс занимается цифрами ради забавы, мой оппонент утвер-

<sup>1)</sup> Ил. Ильин в другом аналогичном месте «подчеркивает слово систематически, ибо несистематическое производство избыточного продукта (кризисы) неизбежно в капиталистическом обществе».

<sup>2)</sup> См. «Развитие капитализма в России» (II изд., стр. 21), а также «Ответ г. П. Нежданову» (II том «Собр. Соч.», стр. 497—498 и сл.). Все курсивы мои.

ждает, что вся цель автора II тома «Капитала» заключалась в том, чтобы более явственно представить «механизм расширенного воспроизводства в его натурально-вещественных элементах», и что «такое тщательное выяснение механизма воспроизводства в упрощенных опытных условиях необходимо было Марксу, чтобы вскрыть ошибку Смита и Рикардо, доказывавших, что накопление капитала есть превращение дохода в заработную плату». Последнее утверждение звучит необыкновенно странно. Правда, точка зрения Смита о процессе накопления, усвоенная и Рикардо, утвердилась в политической экономии с прочностью религиозного предрассудка. Но неужели тов. Мотылев думает, что для опровержения этого предрассудка было недостаточно гениального открытия Маркса о двойственном характере труда? <sup>1)</sup> Неужели он думает, что для этого мало было XXI и XXII глав I тома «Капитала» и главы XIX II тома, посвященной почти целиком опровержению нелепого догмата А. Смита о распадении ценности товара на  $v+m$ ? По-моему, Маркс в указанных главах не оставил камня на камне от тех поистине детских рассуждений, которые мы находим по интересующему нас вопросу у Смита и даже у великого Рикардо. По мнению моего оппонента, Марксу для полемических целей со Смитом-Рикардовским предрассудком нужно было еще строить схемы и написать еще 125—150 головомомных страниц... <sup>2)</sup>

Я не могу также согласиться с моим оппонентом насчет того, что Марксовы схемы изображают лишь механизм расширенного воспроизводства, и что они при учете гипотетически-реальных <sup>3)</sup> условий развития «чистого» капитализма дают осечку. На самом деле, если метод анализа Маркса правилен в одних случаях («в гипотетически-нереальных усло-

<sup>1)</sup> См. мою статью № 3 настоящего журнала, стр. 104—105.

<sup>2)</sup> В одном из писем к Энгельсу Маркс прямо говорит, что он своим анализом воспроизводства всего общественного капитала (который он первоначально представлял в виде таблицы) хочет заменить *Tableau* Кенэ, и нет никакого сомнения, что толчок к этому анализу был дан Марксу не полемикой против Смита—Рикардо, а знаменитой таблицей Кенэ, которой автор «Капитала» придавал огромное значение. В том же письме Маркс упрекает Смита и Рикардо, в тех ошибках, которыми они закрыли себе путь к правильному разрешению хода всего процесса воспроизводства (см. письмо от 0/VII 1863 г.).

<sup>3)</sup> В отличие от «гипотетически-переальных условий», под которыми тов. Мотылев разумеет постоянство органического состава капитала, неизменность форм эксплуатации и пр.

виях»), то почему же он неправилен для других случаев (гипотетически-реальных условий)? Ведь, теоретически рассуждая, никак нельзя доказать, что «чистый» капитализм в последнем случае никак не может развиваться так, чтобы между отдельными отраслями производства существовала пропорциональность. А если это так, то расширение производства, т.е. подъем, возможен не только при тех простых предпосылках, которые выбрал для своего анализа Маркс, но при учете «гипотетически-реальных условий»<sup>1)</sup>.

Я перехожу к той же части того же II абриса статьи тов. Мотылева, в которой его научный оппортунизм достигает своего апогея: «Таким образом,—пишет он,—положительная часть теории накопления Р. Люксембург, заключающаяся в установлении невозможности прогрессирующего реального накопления в «чистом» капитализме и необходимости некапиталистической среды для того, чтобы такое реальное накопление совершалось,—эта часть является, с нашей точки зрения, прямым продолжением и развитием учения Маркса. Эта положительная часть ее теории ослабляется, однако, тем обстоятельством, что Роза Люксембург исходит из представлений об абсолютно-тесной и непосредственной зависимости этого роста производства от роста некапиталистической среды. В ее изложении получается, что на основе данной величины потребления возможны лишь небольшие волны расширения производства, что, поэтому, даже краткие периоды рас-

<sup>1)</sup> Чувствуя, что мой оппонент в своем ответе попытается исхитить меня на слове и зачислить меня «по ведомству» Туган-Барановского, я спешу объяснить. Означает ли, что пропорциональное распределение отраслей производства может создать бесконечный и непрерывный, т.е. без кризисов, подъем капитализма? Ни в коем случае, ибо «одним из элементов пропорциональности является состояние потребления» (Вл. Ильин), а «состояние потребления» связано с антагонистической природой капиталистического способа производства и вовсе не склонно всегда угождать требуемой пропорциональности. Если бы в социалистическом обществе, которое должно строго блюсти пропорциональность между отдельными отраслями хозяйства, в силу ошибки центрального учетного аппарата, получилось расхождение между произведенным количеством средств потребления и тем количеством их, которое первоначально предназначалось для потребления, то от этого ровно никакой беды не было бы: излишек был бы распределен между членами общества или отложен «про запас». И капиталистическом обществе подобное расхождение возникает стихийно-неизбежно, и никакого другого выхода, кроме кризиса, тут быть не может, ибо предположение о распределении товарного избытка означает отрицание капитализма.

ширенного производства невозможны без постоянного соответственного расширения некапиталистических рынков. Розе Люксембург был, очевидно, недостаточно ясен закон цепной связи отраслей производства и его значение для рынка. Между тем, каждая отрасль производства является рынком для других, поэтому на основе данной величины потребления возможно волнообразное расширение производства; даже относительно небольшое расширение потребительского рынка может оказаться достаточным для нового волнообразного расширения; по причинам, очерченным нами выше, развивается и противоречие между производством и потреблением. Но благодаря значению цепной связи для рынка, это противоречие обнаруживается в результате более длительных периодов развития». Из этой цитаты с несомненностью явствуют две вещи: во-первых, что расширение производства, несмотря на противоречие между производством и потреблением и несмотря на отсутствие некапиталистической среды, все-таки возможно, и, во-вторых, что само это противоречие проявляется,—надо думать, в кризисах,—лишь в результате «более длительных периодов развития». Что это за «более длительные периоды», мне из текста не совсем ясно. Я думаю, однако, что тов. Мотылев имеет в виду периоды подъема, расположенные между низшей точкой конъюктурной кривой и кануном следующего кризиса. Другого смысла я в это выражение, при всем желании, вложить не могу. Но если это так, то мой оппонент должен был бы сделать такой вывод: расширение производства, возможное в чистом капитализме, будет протекать в течение «более длительного» периода, после которого, в силу известного противоречия, наступит кризис,—ибо таково сжатое содержание всей цитаты. Так о чем же тов. Мотылев спорит? Ведь это—то самое положение, которое решительно защищал в 90-х годах Вл. Ильин, и которого я, грешный, столь упорно придерживаюсь. Но, может быть, гов. Мотылев просто не договаривал? Может быть, он полагает, что выход из кризиса окажется для «чистого» капитализма невозможным, без некапиталистической среды, или что следующий подъем будет не выше предыдущего, и капитализм в «среднем итоге» будет воспроизводиться в прежнем масштабе? В дальнейшем изложении я попытаюсь показать, что ни то ни другое равно ни на чем не обосновано.

В последнем абзаце своей статьи я указывал, что принятие теории Р. Л. делает невозможным объяснение периодичности кризисов.

«Р. Люксембург,—писал я,—утверждает, что признание возможности расширения капиталистического производства и «чисто» капиталистического рынка либо делает совершенно необъяснимыми кризисы, либо сводит причины последних исключительно только к диспропорциональности между отдельными отраслями хозяйства. Мы сказали, что автор «Накопления капитала» был бы прав в своих выводах, если бы все марксисты стояли на точке зрения Тугап-Барановского. На самом деле этого, конечно, нет. Даже В. Ильин, которого Р. Люксембург обвиняла в грехах Тугапа; безоговорочно признавал «противоречие между безграничным стремлением расширить производство и ограниченным потреблением». Если теория рынка, принимаемая большинством марксистов, составляет базис для объяснения кризисов, то теория Люксембург закрывает все пути к решению вопроса о колебаниях конъюнктуры. Как Маркс ставит вопрос о периодичности промышленных циклов?» и т. д. (стр. 125—126, подчеркнуто сейчас)

Далее я развиваю ту мысль, что принимаемое мною Марксово объяснение периодичности кризисов не стоит ни в какой связи с возмущающими влияниями внекапиталистической среды, и что последовательный сторонник концепции Р. Л. должен был бы прийти к выводу, что никакой периодичности кризисов быть не должно. Тов. Шварц, выписав соответствующие места моей статьи, обрушился на меня со свойственной ему горячностью непоколебимого адепта «гонимого» учения: «Действительно,—пишет он,—если бы выходом из кризиса являлось только завоевание новых колоний, то периодичность кризисов не могла бы быть объяснена,—это не подлежит сомнению. (Это ценное признание подчеркнуто мною. III. Д.). Но где Роза Люксембург утверждает такой абсурд? Приписывать Розе Люксембург такую мысль — значило бы слишком плоско понимать ее теорию. С каких это пор, одна-

ко, тов. Дволайцкий, марксисты стали думать, что выходом из кризиса может быть только (курс мой. III. Д.) повышение техники, увеличение производительности труда? История дает нам немало примеров и второго метода преодоления кризисов,—захвата новых колоний или углубления эксплуатации уже занятых» (стр. 199). На первый вопрос о том, почему теория Р. Л. несовместима с принимаемой мною теорией периодичности кризисов, я отвечу тов. Шварцу немножко погодя, пока же я удовлетворю его ответом на второй вопрос: с каких пор марксисты стали думать, что выходом из кризиса может быть только техника? Ни с каких пор, тов. Шварц! Если перед капитализмом немедленно же после кризиса откроется новый некапиталистический рынок, то новый подъем окажется возможным не только на основе старой техники, но, если хотите, даже на базисе более низкого органического состава. Мало того, если в сферу капиталистического товарообмена накануне кризиса вступит новый некапиталистический рынок, самый кризис будет отсрочен и отсрочка эта будет тем длительнее, чем дольше будет «ниряться» добавочный некапиталистический рынок. Не знаю как другие, но я, тов. Шварц, думал так с тех пор, как я усвоил азы политической экономии. Что я считаю выход из кризиса возможным не только на базисе повышения техники, а что я изложенные мысли «выдумал» не *ad hoc*, вы при внимательном чтении (или, вернее, при желании читать, что пишет противник) могли бы убедиться, например, из следующего места моей статьи: «Маркс, конечно, не мог отрицать и не отрицал, что расширение внешнего поля деятельности капитала в состоянии усилить повышательную тенденцию и содействовать наступлению ажиотажа, грюндерства и т. д.<sup>1)</sup>», но он нигде не делал попытки объяснять периодичность кризисов открытием внешних рынков. Повторяю: он вывел эту периодичность из явлений, имманентных чистому капитализму».

Непосредственно вслед за прерванной мною выдержкой из статьи тов. Шварца, он приводит цитату из Вл. Ильина

<sup>1)</sup> См. 4-томный „Briefwechsel“ Маркса и Энгельса. Соответств. места нетрудно найти по предметному указателю. (Эта ссылка сделана мною в предыдущей статье).

насчет развития капитализма «вглубь и ширь»<sup>1)</sup> и продолжает: «Эта цитата подтверждает, что тов. Дволайцкий слишком перегнул палку в сторону техники. Никто не станет отрицать, что главным и характерным для капитализма способом выхода из кризиса является способ экономический — улучшение техники и удешевление товаров (за «научность» этой формулировки я не отвечаю. Ш. Д.). Но почему этот метод вступает в противоречие с точкой зрения Розы Люксембург? — Непонятно». Охотно допускаю, тов. Шварц, что вы этого не понимаете. Попытаюсь вам популярно разъяснить. Представим себе, что мы имеем низший пункт депрессии. Тысячи фабрик стали, торговля замерла, безработными — хоть уруц пруди. Конкуренция достигает максимального размаха, цены, вследствие этого, крайне низки. Но капиталисты хотят жить во что бы то ни стало. Как быть? Какие у них методы борьбы за существование? Удешевить производство, чтобы при наличных низких ценах получить хоть некоторую прибыль. Как добиться такого положения вещей? Усовершенствованием техники, повышением органического состава капитала. Но улучшение техники требует производства новых машин, а производство машин — выплавки чугуна, выплавка чугуна — добычи угля и т. д., а все это вместе создает спрос и на средства потребления. Так начинается оживление, которое, пройдя через фазу расцвета и ажиотажа, в силу присущих капитализму противоречий, вновь превратится в свою противоположность. Кажется, яснее ясного. Но ведь вы, тов. Шварц, вероятно опять спросите: почему все это не может быть приятно сторонникам Р. Л.? Отвечу вам и на это: по очень простой причине, именно потому, что теория Р. Л. для всякого расширения производства требует и перед данного увеличения спроса, а в моем популярном объяснении спрос создается фактом расширения производства. Ежели же вы в этом пункте не разделяете точки зрения Р. Л. и забыли только это оговорить, то рекомендую Вам отказаться от защищаемой вами позиции, ибо это — центральный пункт обеих частей «Накопления капитала».

Переходя к соответствующим возражениям тов. Мотылева, я снова должен на несколько минут занять внимание читателя одним полемическим приемом моего противника. Дей-

<sup>1)</sup> «Развитие Капитализма», стр. 471.

ствительно-ли,—пишет он,—Маркс считал возможным абстрагировать теорию кризисов от проблемы рынка? Действительно ли он выводил их (т.-е. кризисы. III. Д.) только (курсив т. М.) из характера оборота и воспроизводства основного капитала? Тов. Мотылев далее грозит возможностью привести много цитат, опровергающих это, но приводит лишь одну, касающуюся еще и еще раз противоречия между производством и потреблением, и доказывает, что автор «Капитала» ставит периодичность кризисов «в самую тесную связь с расширением и использованием рынков». Тов. Мотылеву «зачем-то понадобилось своими вопросами спутать две вещи: во-первых, причину кризиса, и во-вторых, причину выхода из кризиса. Причину кризисов, как я это объяснял уже в своей последней статье (см. приведен. выписку) и как я повторил это здесь, Маркс действительно видел в «бедности и ограниченности потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать свои производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества»<sup>1)</sup>, и в этом смысле «он действительно выводил их (т.-е. кризисы) не только из характера оборота и воспроизводства основного капитала», как выражается мой оппонент. Другое дело—объяснение выхода из кризиса, т.-е. конструирование теории, согласно которой любой кризис неизбежно должен смениться подъемом, в силу чего развитие капиталистического общества должно обязательно идти циклами; эту теорию Маркс действительно выводил из «характера оборота основного капитала»: он показал, что раз дан хоть один кризис, то весь дальнейший ход производства должен протекать в смене кризисов и депрессий эпохами оживления и ажиотажа,—и вывел он это чисто абстрактным, дедуктивным путем.

Тов. Мотылев ничего этого не хочет понять; он и здесь хочет быть «соглашателем» и найти компромисс: «Закономерность и периодичность кризисов,—пишет он,—вытекает не только из характера оборота и воспроизводства основного капитала,—но и из того, что этот оборот и это воспроизводство основного капитала совершается на основе экономического вовлечения и использования рынков». (Курсив мой. III. Д. У тов. М. эта фраза подчеркнута целиком).

<sup>1)</sup> Это и есть цитата из Маркса, при помощи которой тов. Мотылев хочет меня живьем закопать в землю.

Что это значит? Давайте рассуждать. На-лицо кризис, где выход? Следуя Марксу, я отвечаю: в неизбежном стремлении капиталистов к обновлению элементов основного капитала, которое неизбежно же обуславливает подъем. Вы отмечаете: «нет не только» самое это обновление основного капитала «совершается на основе закономерного вовлечения и использования рынков». Значит, есть две причины, вызывающие подъем: технический прогресс и расширение некапиталистического рынка. Но эти причины не независимы, а напротив, взаимно обусловлены: первая имеет место благодаря второй («на основе»), т.е. обновление техники производства вызывается вовлечением в сферу капиталистического обмена «слоев и стран, не производящих еще капиталистически». И поскольку это «вовлечение» происходит периодически, оно создает волнообразное движение конъюнктурной кривой. При чем же тут Марксова теория колебания конъюнктуры и зачем моему оппоненту нужны были компромиссы? Надо было прямо сказать, что Марксова теория, утверждающая, что в интересующем нас вопросе «тон» задает основной капитал, не выявляет первичной причины загадки конъюнктуры, и что она поэтому несостоятельна. Это было бы, но крайней мере, последовательно.

Тов. Мотылев не согласен с положением тов. Шварца, который полагает, что только завоеванием новых некапиталистических рынков периодичность кризисов не могла бы быть объяснена. Он думает иначе и даже берется доказать, что изгибы конъюнктурной кривой на протяжении истекшего столетия совершались именно по указанной причине. Более того, мой последовательный оппонент пытается это доказать и для больших и для малых циклов<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Кстати, о больших циклах. Я отнюдь не склонен относиться к ним иронически, как это делает тов. Осинский, но строить на них что-нибудь при современном состоянии литературы, посвященной этому вопросу, я не берусь. В самом факте констатирования больших циклов есть еще много неясностей. До сих пор, строго говоря, не установлена даже длина больших конъюнктурных волн. Так, по Каутскому («Теории кризисов», изд. 1923 г., стр. 61), который налагает точку зрения Парвуса, первый период «бури и натиска», т.е. подъема, тянется с 1815 до 1836 г.; по Кондратьеву, «общее падение конъюктур наблюдается с 1809 г. вплоть до 1829 г.» («Мировое хозяйство» и проч., стр. 242), по Мотылеву, «вторая четверть XIX столетия является в общем и целом впахой депрессии». Вторая эпоха депрессии простирается, по Каутскому — Парвусу, до 1857 г.; по Кондратьеву, до 1896 г. С 20-х годов до конца столетия последний насчитывает, по крайней мере, 2½ цикла, второй мень-

Как же тов. Мотылев это делает? Он просто приводит несколько выдержек из Туган-Барановского, долженствующих доказать, что каждый «период подъема неразрывно связан с использованием нового рынка». Для иллюстрации я позволю себе повторить здесь парочку цитируемых им мест из Тугана. Для объяснения подъема пятидесятых и шестидесятых годов с точки зрения теории Р. Л. он дает следующую выписку из «Периодических промышленных кризисов»: «Переход Англии и, в меньшей степени, остальной Европы от системы протекционизма, стеснявшего международную торговлю, к системе свободной торговли и постройка железных дорог, уменьшавшая во много раз стоимость сухопутной перевозки товаров, чрезвычайно расширили рынок для сбыта английских произведений. Но действие этих двух факторов еще было усилено открытием необыкновенно богатых золотых россыпей в Калифорнии и Австралии. (Здесь без всяких многоточий опущено предложение. Ш. Д.) Значение этих открытий (в пропущенных строках речь шла о случайных открытиях золота в Калифорнии и в Виктории. Ш. Д.) для английской торговли заключалось прежде всего в том, что спрос на английские товары в Калифорнии и Австралии быстро увеличился в несколько раз». Для тов. Мотылева решающим моментом является здесь, повидимому, увеличение австралийского и калифорнийского спроса

ше 2-х. Тов. Мотылев насчитывает два цикла с 20-х годов XIX стол. до начала мировой войны, при чем он, в отличие от Каутского, но в согласии с Кондратьевым, считает вторую четверть XIX века периодом депрессий. Повторяю, я вовсе не собираюсь наперед опорочивать научное исследование, которое основательно займется изучением больших конъюнктурных волн. Но поскольку я знаком с вопросом на основании той литературы, из которой черпает материал тов. Мотылев, я не беру на себя смелости делать какие бы то ни было теоретические обобщения. Если бы даже признаки и пределы больших циклов были строго очерчены, я все-таки задумался бы над возможностью выводить из двух эмпирически установленных циклов общий закон развития капитализма. Тов. Мотылева все это очень мало смущает. Он оперирует большими циклами, как астроном небесными телами, и даже уверяет, что «закономерность больших циклов может быть познапа лишь на основе защищаемой им теории накопления». С моей точки зрения, все это, по меньшей мере, скороспело. Впрочем, т. Мотылев выдает нам в некотором роде вексель: «Проблеме больших циклов,—пишет он,—мы надеемся посвятить особую работу, где осветим ее на основе подбираемых нами статистических данных и где попытаемся разработать ее теоретически». Не имея возможности запясться самостоятельными изысканиями в этой области,—крайне для меня интересной,—я с нетерпением буду ждать появления работы тов. Мотылева. Когда он внесет ясность в эту крайне запутанную проблему,—у нас будет почва для разговоров. Сейчас на основании известных нам обоем материалов и целых трех страниц тов. Мотылева, я ни насчет больших циклов, ни насчет их причин рассуждать не берусь.

на капиталистически произведенные английские товары в несколько раз. Читатель статьи тов. Мотылева решил вероятно, что покупателями английских товаров были некапиталистические товаропроизводители из австралийских и калифорнийских аборигенов. Оказывается, ничуть не бывало: тов. Мотылев «ухитрился» оборвать цитату как раз там, где начинается самое «интересное». В том же абзаце, непосредственно за приведенными т. Мотылевым словами, Тутан продолжает: «Слухи о баснословных богатствах, лежащих на пустынных берегах Сакраменте и Муррея, привлекли в эти страны десятки и сотни тысяч эмигрантов со всех частей света. Пустыни Калифорнии, на которых раньше кочевали одни дикие индейцы, теперь заселились с поразительной быстротой. Австралия была более культурной страной, но тем не менее в ней население было очень малочисленно, и только после того, как один из местных жителей, вернувшись из Калифорнии, нашел в одной австралийской речке золотосодержащие пески, население ее стало увеличиваться так же быстро, как и в Калифорнии. Так как в Калифорнии и Австралии туземной промышленности почти не существовало, то все товары, необходимые для увеличившегося населения, должны были привозиться из других стран» (указ. соч., стр. 90—91, курсив мой. III. Д.). Выходит, что вовсе не австралийские негры и калифорнийские индейцы способствовали под'ему 50-х и 60-х годов. Дело представляется гораздо проще. В названных странах случайно было открыто золото. В Калифорнию и Австралию устремились европейские эмигранты и европейские капиталы. Началась усиленная добыча золота, т.е. расширение производства, вызвавшее усиленный спрос на английские товары. Уверяю вас, тов. Мотылев, что эффект был бы такой же, если бы в Калифорнии и Австралии не было не только некапиталистической среды, но и ни одного живого аборигена. Более того, результаты были бы такие же и в том случае, если бы случайное открытие столь огромных естественных богатств, как золотые россыпи, имело место в самой старой капиталистической Англии. Надеюсь, что тов. Мотылев против этого спорить не станет...

Другая иллюстрация. Ссылаясь (хотя и без кавычек) на бедного Тугала, тов. Мотылев заявляет: «Под'ем 1833—1835 г.г. неразрывно связан с использованием рынка в Соед. Штатах и

с расширением внутреннего рынка в связи с постройкой железных дорог, (стр. 163). Против того, что подъему 1833—35 г.г. способствовало использование рынка в Соед. Штатах, я спорить не стану. Повидимому, это так и было. Но что значит вторая часть утверждения тов. Мотылева: «расширение внутреннего рынка в связи с постройкой железных дорог»? Этим словам можно придать только такой смысл: постройка железных дорог вызвала расширение внутреннего рынка. Значит, расширению рынка предшествовало расширение производства (не только постройка железных дорог, но и каналов, промышленных предприятий и т. д.). А это противоречит теории тов. Мотылева. Английские капиталисты, которые строили и дороги, и каналы, и промышленные предприятия на свои капиталы и при помощи «своих» рабочих, могли бы выполнить все эти задачи без всякого наперед данного спроса. Более того, они, как неосторожно признал мой противник, сами этот спрос создавали.

Представим себе такой гипотетический случай. Капиталистическое общество открыло в умеренном поясе одного из океанов новый огромный материк, совершенно необитаемый. Но материк этот представляет собой рай земной: налицо блестящие условия для развития сельского хозяйства, недра земли таят в себе величайшие сокровища—уголь, железо, красные и белые металлы, золото, платину и т.д., поверхность нашего необитаемого материка покрыта девственным строевым лесом, сочными пастбищами и проч. Но спроса этот материк предъявить не может: на нем нет даже чернокожих... Послужит ли этот материк рынком для капитала и даст ли он толчок к усилению определившегося уже подъема. Я думаю, что да, ибо «в капиталистическом строе (а тем более в «чистом») производство идет впереди потребления, первое толкает второе». Если мой оппонент с этим несогласен, предоставляю ему доказывать противное.

Тов. Мотылев—человек крайне «осторожный». Чтобы в случае возможных возражений против его «теории» циклов не оказаться безоружным, он заблаговременно заготавливает себе щит. «Чем,—спрашивает он,—объясняется эта странная закономерность в развитии капитализма (больших циклов. III. Д.)? Не приходится сомневаться, что эта закономерность—равнодействующая целого ряда условий и факторов. Но вместе с тем мы полагаем, что решающую роль играет закономерность втягивания капитализмом в его орбиту и использование им лекапиталистических рынков» (стр. 157, курс.

мой. III. Д.). Какой ряд «факторов и условий» тов. Мотылев имел в виду, выставляя свой тезис, мне не совсем ясно. Думаю, однако, что он зачисляет в эти факторы и техническое переоборудование капиталистической промышленности. Если бы он не был так «глубоко» предан своей основной идее, то он мог бы привести из того же Каутского, например, такие места: первый период подъема (у тов. Мотылева от соответствующего периода упадка) «характеризуется в области техники введением паровых машин и быстрым расширением железнодорожного дела в Англии»; второй период—«революцией в области химического производства (в самом широком смысле слова)». Третий период «ознаменовался появлением электротехники» (назв. работа, стр. 59—60<sup>1)</sup>).

Попробуем, однако, разобраться в «тезисе» т. Мотылева. Если волнообразное движение конъюнктуры кривой есть, равнодействующее целого ряда условий и факторов, то спрашивается, каково взаимоотношение между ними? Ответ на этот вопрос может быть двойкий: либо «эти условия и факторы» друг от друга независимы и представляют собой параллельные «феномены»—независимые переменные, как сказал бы математик; либо они взаимно обусловлены и представляют собой функции которого-нибудь одного «ус-

<sup>1)</sup> Аналогичные заявления тов. Мотылев мог бы найти для объяснения не только больших, но и малых циклов у всех тех авторов, на которых он ссылается и которые по части изложения фактов для меня, столь же авторитетны, как и для моего оппонента. Так, Лескюр, пишет: «Период депрессии, последовавший за кризисом 1836 г., повсюду вызвал стремление сократить издержки производства. С другой стороны, благодаря последним открытиям были введены важные технические усовершенствования. Первоначально был открыт способ получения чугуна с помощью минерального топлива; благодаря паровому молоту, стало можно изготовлять очень крупные части, как, например, двигательные валы для больших машин» и т. д. (Стр. 33; курс. мой, III. Д.). Гонимый годами глубокой депрессии 1848—49, Блэз (в ежегоднике Блока за 1850 г., стр. 204), между прочим, пишет, что «эти годы не прошли совершенно бесследно», и что «если и ацидальное производство тяжело пострадало, оно почерпнуло в этом испытании силу сопротивления, которая привела его к часто успешным попыткам введения технических усовершенствований и сокращения издержек». (Лескюр, стр. 48; курс. мой, III. Д.). Тот же Лескюр отмечает технические усовершенствования во все периоды, предшествовавшие новым подъемам (см. стр. 146, стр. 169, стр. 188—189, стр. 259 и др.). Особенно характерно следующее общее замечание того же автора: Подъем может быть вызван различными причинами, но в основании его всегда лежит потребность (за façon de parler Лескюра я, конечно, не отвечаю, III. Д.), в каком-нибудь новом

ловия» или «фактора». Если верно первое, то результат получается слишком «мистический»: «целый ряд (!!!) условий и факторов», каузально между собою не связанных, периодически действуют в одном и том же направлении! Это противоречит не только элементам теории вероятностей, но и «элементам» здравого смысла. Если верно второе, что все «условия и факторы» определяются одним из них, т.е. «закономерным (!) втягиванием капитализмом в его орбиту и использованием им некапиталистических рынков»,—а так, повидимому, надо понимать тов. Мотылева,—то нужно было доказать, что всем «факторам и условиям» каузально и во времени предшествует «решающий» фактор моего «логично» рассуждающего критика. Так как такое «положение» абстрактно-дедуктивным путем конструировать мудрено, то тов. Мотылеву следовало бы на основании исторических наблюдений компетентных лиц,—хотя бы того же Туган-Барановского и Лескюра,— продемонстрировать ряд таких картин: налицо кризис, неразрывно связанный с исчерпанием некапиталистических рынков, господствует полнейший застой. Он продолжается год, два, три, пока капитализм не обретет своих новых спасителей в лице добавочных простых товаропроизводителей. Но вот последние найдены. Исходная точка для под'ема есть. Начинается самый под'ем и на ряду с ним появляются на сцену прочие «факторы», в роде технического прогресса, которые

средстве производства. Вследствие солидарности различных отраслей, рост этой первой потребности вызывает ряд волн, доходящих до далеко лежащих отраслей потребления; иногда эти волны встречаются и, комбинируясь, делают более интенсивными; иногда они двигаются просто параллельно. Железная дорога дает заказы горной и металлургической промышленности, а горные и металлургические предприятия, вследствие перевозки их очень тяжелых продуктов, являются одними из лучших клиентов железных дорог: точно так же и электрическая промышленность требует нужные ей машины от металлургической промышленности, которая получает от первой необходимые для освещения заводов принадлежности и динамо-машины, производящие двигательную силу, нужную на этих заводах» (там же, курс. мой. III. Д.). Аналогичные фактические сообщения можно найти у Тугана (см. мою предыдущую статью, стр. 127) и у подавляющего большинства других авторов, писавших на эту тему и вовсе не разделявших марксовской теории периодичности кризисов. Отмечу еще такой «казус». Когда я в конце 1921 г. изучал кризис 1920—21 гг., мне пришлось убедиться в том, что электротехническая промышленность продолжала работать полным ходом в такие месяцы, когда о начале под'ема, по моим тогдашним представлениям, не могло быть и речи: в этот период шло техническое переоборудование промышленности. (См. мою статью «Мировое хозяйство и кризис 1920—21 гг.» в № 1 журнала «Красная Новь» за 1922 г., стр. 180, выноска).

только усиливают под'ем, вызванный «решающей» причиной тов. Мотылева. Но таких периодически повторяющихся картин мой изобретательный критик привести никак не мог бы, ибо так бывает разве только на Юпитере. На планете, именуемой Землей, дело обстоит иначе. Кризис вызывает усовершенствование техники, а усовершенствование техники «ломает» конъюнктурную кривую и создает под'ем. Так бывает после каждого общего кризиса, ибо это необходимо вытекает из конкурентной борьбы. Само собою разумеется, что игнорировать некапиталистические рынки при анализе движения конъюнктуры нельзя, но их роль, как выражаются астрономы, только «возмущающая». Если капитализму в какой-нибудь момент, скажем, накануне кризиса, удастся «вовлечь в свою орбиту» новые некапиталистические рынки, то ему при известных условиях удастся преодолеть кризис, и быть может даже выкинуть из своей жизни целую «волну». Напротив, если из его наличных рынков (простых товаропроизводителей) внезапно, в силу ли восстания или голодовки, отпадает какой-нибудь крупный район, то кривая пойдет вниз раньше, чем того можно было бы ожидать<sup>1)</sup>.

Итак, защищаемая мною теория ни в малой мере не опровергнута теорией моего критика: периодичность кризисов можно объяснить только факторами, имманентными чистому капитализму. Но, может быть, мой оппонент скажет, что чистый капитализм, будучи его существование теоретически возможно, будет топтаться на одном месте, другими словами, что всякий следующий под'ем конъюнктуры будет не выше предыдущего и что общее расширение производства действительно окажется невозможным? Такой вопрос мне действительно был поставлен во время одного моего устного выступления. Этот вопрос экономически решается, на мой взгляд, следующим образом. Если технический прогресс, обусловленный кризисом, подымет органический состав общественного капитала на более высокий уровень,—а это, вообще говоря, неизбежно,—то под'ем будет выше предыдущего, и конъюнктура, описывая волнообразную кривую, в общем и целом будет идти в верх. Но может ли

<sup>1)</sup> Кстати, не кажется ли топ. Мотылеву несколько странным, с его точки зрения, такой факт: английские кризисы обычно начинаются осенью, т. е. в период, когда в vast number колониях Англии, расположенных в северном полушарии, идет реализация урожая? Казалось бы, что в моменты, когда «простые товаропроизводители» обладают максимальной покупательной силой, кризис менее всего вероятен...

это движение продолжаться «вечно», если мы предположим, что всякие восстания пролетариата будут подавляться непобедимым капиталом? Безусловно нет, ибо под'ем капитализма («чистого») обуславливается в последнем счете ростом органического состава капитала, а последний, в свою очередь, обусловлен и даже идентичен с прогрессом техники. Что же касается развития техники<sup>1)</sup>, то оно ограничено капиталистической частной собственностью, которая чем дальше, тем больше становится тормозом «развития производительных сил», а следовательно и поступательного движения капитализма.

### VIII.

В своем докладе IV Конгрессу Коммунистического Интернационала тов. Тальгеймер утверждал, что непринятие теории империализма, выдвинутой Р. Л., должно неизбежно привести к отрицанию социалистической революции и что революционность русских большевиков, в том числе и Ленина, объясняется их теоретической непоследовательностью. Я ответил на это анализом нашего понимания неизбежности краха капитализма и показал, что теория «финансового капитала», разделяемая в основном лучшими представителями большевиков, не только не противоречит нашей концепции социалистического переворота, но является ее фундаментом. Измену той части социал-демократических вождей, которая придерживалась теории Гильфердинга (старого Гильфердинга!), я, в отличие от Тальгеймера, объяснял не их приверженностью к «ложной» теории, а гораздо проще. Они перепугались призрака рабочей революции, «выработали» новую тактику и приспособили к ней новую, апологетическую теорию. Мое объяснение вызвало лишь иронический возглас тов. Шварца: вожди перепугались—хорошее объяснение! Моя статья слишком затянулась. Поэтому я, вместо ответа тов. Шварцу, предложу ему такую задачу.

Условие первое. Из всех вождей старой социал-демократии Каутский занимал позицию, наиболее близкую к теории накопления Р. Л. Некоторые его формулировки настолько напоминают эту теорию, что сам т. Тальгеймер, по спра-

<sup>1)</sup> Я отметил уже это в своей последней статье.

ведливому замечанию т. Бессонова, подписался бы под ними <sup>1)</sup>. Условие второе, которое я формулирую словами самого тов. Шварца: «тов. Бессонов совершенно ошибочно причисляет тов. Ленина к одним из самых ранних провозвестников концепции Р. Люксембург». Спрашивается, почему Каутский стал вождем мирового оппортунизма, а Ленин—мировым вождем пролетарской революции? А ведь должно было быть наоборот...

На прощание я обращаюсь к своим оппонентам с небольшой просьбой. Рядом с моей статьей печатается «несколько замечаний» моего друга Л. Н. Крицмана. Так вот, если полемический пыл моих оппонентов не остыл и если они еще раз соберутся в поход,—я прошу их в своей антикритике ответить заодно и на аргументацию тов. Крицмана.

### *III. Дзюлайцкий.*

Абас-Туман,  
8 августа 1923 г.

---

<sup>1)</sup> Насчет близости Каутского к теории Р. Л. см. «Эрфуртск. прогр.», статьи против Тугана и *Finanzkapital und Krisen* („Neue Zeit“).